

ИВ. БУНИНЪ

ТРИ РУБЛЯ *)

Въ тотъ лѣтній вечеръ я прїѣхалъ изъ деревни въ нашъ уѣздный городъ по желѣзной дорогѣ, часу въ девятомъ. Было еще жарко, отъ тучъ сумрачно, надвигалась гроза. Когда я сѣлъ на извозчика и онъ помчалъ меня, подымая пыль, отъ вокзала по темнѣющему полю, сзади вдругъ вспыхнуло, дорога впереди на мгновение озарилась золотомъ, гдѣ-то прокатился громъ и крупными звѣздами зашлепалъ по пыли и пролетѣвъ быстрый, рѣдкій дождь, тотчасъ же прекратившійся. Потомъ пролетка, сорвавшись подъ изволокъ съ мягкой дороги, задребезжала по каменному мосту через пересохшую рѣчку. За мостомъ дико чернѣли и металлически пахли городскія кузни. На дорогѣ въ гору горѣлъ запыленный керосиновый фонарь...

Въ гостиницѣ Воробьева, лучшей въ городѣ, мнѣ, какъ всегда, отвели лучшую комнату, со спальней за перегородкой. Воздухъ въ этой комнатѣ съ двумя закрытыми окнами за бѣлыми коленкоровыми занавѣсками былъ горячъ, какъ въ печи. Я приказал коридорному поднять занавѣски, открыть окна настежь, принести самоваръ и поскорѣе подошелъ къ окну: въ комнатѣ дышать было нечѣмъ. За окномъ уже чернѣла темнота, въ которой то и дѣло вспыхивали молніи, теперь уже голубыя, и опять катился точно по ухабамъ гулъ грома. И, помню, я подумалъ: до того ничтожный городишко, что даже непонятно, зачѣмъ такъ грозно вспыхиваетъ надъ нимъ этотъ великолѣпный голубой свѣтъ и такъ величественно грохочетъ, сотрясается мрачное невидимое небо. Я пошелъ за перегородку и, снимая пиджакъ и развязывая галстухъ, услышалъ, какъ влетѣлъ съ самоваромъ на подносѣ коридорный и стукнулъ въ круглый столъ передъ диваномъ. Я выглянулъ: кромѣ самовара, полоскательницы, стакана и тарелки с булкой, на подносѣ была еще чашка.

— А чашка зачѣмъ? — спросилъ я.

Коридорный ответилъ, заигравъ глазами:

— Тамъ васъ одна барышня спрашиваетъ, Борисъ Петровичъ.

— Какая барышня?

*) По желанію автора печатается по старой орфографіи.

Корридорный пожалъ плечомъ и манерно усмѣхнулся:

— Понятно, какая. Очень просила впустить, обѣщала рубль на чай, если хорошо заработаетъ. Видѣла, какъ вы подѣхали...

— Изъ уличныхъ, значить?

— Ясное дѣло. Такихъ у насъ никогда не замѣтно было: пріѣзжіе обыкновенно за барышнями къ Аннѣ Матвѣевнѣ посылаютъ, а тутъ вдругъ какая-то сама входитъ... Ростомъ замѣчательная и вродѣ гимназистки.

Я подумалъ о скучномъ вечерѣ, который предстоялъ мнѣ, и сказалъ:

— Это забавно. Впусти ее.

Корридорный радостно исчезъ. Я сталъ заваривать чай, но въ дверь тотчасъ постучали, и я съ удивленіемъ увидаль, какъ, не дожидаясь отвѣта, въ комнату развязными шагами большихъ ногъ въ старыхъ холщевыхъ туфляхъ вошла рослая дѣвушка въ коричневомъ гимназическомъ платьѣ и соломенной шляпкѣ съ пучкомъ искусственныхъ васильковъ сбоку.

— Вотъ шла и забрела на огонекъ къ вамъ, — громко сказала она, отводя въ сторону темные глаза.

Все это было такъ не похоже на то, что я ожидалъ, что я слегка растерялся и стѣтилъ не въ мѣру весело:

— Очень пріятно! Снимайте шляпку и присаживайтесь чай пить...

За окнами вспыхнуло уже фіолетово и совсѣмъ широко, громъ прокатился гдѣ-то близко и предостерегающе, въ комнату пахнуло вѣтромъ, и я послѣшилъ затворить окна, обрадовавшись возможности скрыть свое смущеніе. Когда же обернулся, она сидѣла на диванѣ, снявъ шляпку и закидывая назадъ стриженные волосы продолговатой загорѣлой рукой. Волосы у нея были густые, каштановые, лицо нѣсколько широкоскулое, въ веснушкахъ, губы полныя и сиреневыя, глаза темные и серьезные. Я хотель шутливо извиниться, что я безъ пиджака, но она сухо посмотрѣла на меня и спросила:

— Сколько вы можете заплатить?

Я опять отвѣтилъ съ дѣланной безпечностью:

— Успѣемъ еще сговориться! Выпьемъ прежде чайку.

— Нѣтъ, — сказала она, хмурясь, — я должна заранѣе знать условія. Я меньше трехъ рублей не беру.

— Три такъ три, — сказалъ я тѣмъ же тономъ.

— Вы шутите? — спросила она.

— Нисколько, — отвѣтилъ я, думая: напою ее чаемъ, дамъ три рубля и выпровожу съ Богомъ.

Она вздохнула и, закрывъ глаза, откинула голову на отвалъ дивана. Я подумалъ, глядя на ея безкровныя губы, что она, вѣр-

но, голодна, подаль ей чашку чая и тарелку съ булкой, съль на диванъ и тронуль ее за руку:

— Кушайте, пожалуйста.

Она открыла глаза и молча стала пить и ѣсть. Я пристально смотрѣль на ея загорѣлыя руки и строго опущенныя темныя рѣсницы, думая, что дѣло все больше принимаетъ глупый оборотъ, и спросиль:

— Вы здѣшняя?

Она помотала головой, запивая булку:

— Нѣтъ, дальняя...

И опять замолчала. Потомъ стряхнула съ колѣнъ крошки и вдругъ встала, не глядя на меня:

— Я пойду раздѣваться.

Это было неожиданнѣй всего, я, растерявшись, хотѣль что-то сказать, но она повелительно перебила меня:

— Затворите дверь на ключъ и опустите шторы на окнахъ. И пошла за перегородку.

Я съ бессознательной покорностью и поспѣшностью опустил шторы, за которыми продолжали все шире сверкать молнии, будто стараясь поглубже заглянуть въ комнату, и все настойчивѣе катились сотрясающіеся гулы, повернулъ въ прихожей дверной ключъ, не понимая, зачѣмъ я все это дѣлаю, и уже хотѣль было войти къ ней съ притворнымъ смѣхомъ, перевести все въ шутку или соврать, что у меня страшно разболѣлась голова, но она громко сказала изъ-за перегородки:

— Идите...

И я опять бессознательно повиновался, вошелъ за перегородку и увидѣль ее уже въ постели: она лежала, натянувъ одѣяло до подбородка, дико смотрѣла на меня совершенно почернѣвшими глазами и сжимала постукивающіе зубы. И въ безпамятствѣ растерянности и страсти я дернулъ одѣяло изъ ея рукъ, раскрывъ все ея тѣло въ одной коротенькой заношенной сорочкѣ. Она едва успѣла поймать голой рукой деревянную грушу надъ изголовьемъ и потушить свѣтъ...

Потомъ я стояль въ темнотѣ возлѣ раскрытаго окна, жадно курилъ, слушалъ шумъ отвѣснаго ливня, низвергавшагося въ черномъ мракѣ на мертвый городъ вмѣстѣ съ яркимъ и быстрымъ трепетомъ фіолетовыхъ молній и дальними ударами грома, разсѣянно думаль, вдыхая дождевую свѣжесть, смѣшанную съ запахами города, накаленного за день: да, непонятное соединеніе — это жалкое захолустье и это божественно-грозное, грохочущее и слѣпящее въ ливнѣ величіе, — и все больше дивилъ и ужасался: какъ же это я все-таки не поняль до конца, съ кѣмъ я имѣю дѣло и почему она решилаъ продать за три рубля свою дѣвственность! Она окликнула меня:

— Закройте окно, очень шумить, и подите ко мнѣ.

Я вернулся въ темнотѣ за перегородку, сѣлъ на постель и, найдя и цѣлуя ея руку, сталъ говорить:

— Простите, простите меня...

Она безстрастно спросила:

— Вы думали, что я настоящая проститутка, но только очень глупая или сумасшедшая?

Я сталъ поспѣшно отвѣчать:

— Нѣтъ, нѣтъ, не сумасшедшая, я только думалъ, что вы еще мало опытни, хотя уже знаете, что нѣкоторыя дѣвицы въ извѣстныхъ домахъ надѣваютъ гимназическія платья.

— Зачѣмъ?

— Чтобы казаться невиннѣе, привлекательнѣе.

— Нѣтъ, я этого не знала. У меня просто нѣтъ другого платья. Я только нынѣшней весной кончила гимназію. Тутъ внезапно умеръ папа, — мама умерла давно, — я изъ Новочеркасска пріѣхала сюда, думала найти тутъ черезъ одного нашего родственника работу, остановилась у него, а онъ сталъ приставать ко мнѣ, и я ударила его и цѣлую недѣлю ночевала на скамейкахъ въ городскомъ саду... Я думала, что умру, когда вошла къ вамъ. А тутъ еще увидала, что вы хотите какъ-нибудь отдѣлаться отъ меня.

— Да, я попалъ въ глупое положеніе, — сказалъ я. — Я согласился впустить васъ просто такъ, отъ скуки, — я съ проститутками никогда не имѣлъ дѣла. Я думалъ, что войдетъ какая-нибудь самая обыкновенная уличная дѣвочка, и я угощу ее чаемъ, поболтаю, пошучу съ ней, потомъ просто подарю ей два-три рубля...

— Да, а вмѣсто этого вошла я. И почти до послѣдней минуты старалась держать въ головѣ одно: три рубля, три рубля. А вышло что-то совсѣмъ другое. Теперь я уже ничего не понимаю...

Ничего не понималъ и я: темнота, шумъ ливня за окнами, возлѣ меня лежитъ на постели какая-то новочеркасская гимназистка, которой я до сихъ поръ не знаю даже имени... потому эти чувства, что съ каждой минутой все неудержимѣе растутъ во мнѣ къ ней... Я съ трудомъ выговорилъ:

— Чего вы не понимаете?

Она не отвѣтила. Я вдругъ зажегъ свѣтъ — передо мной блеснули ея большіе черные глаза, полные слезами. Она порывисто поднялась и, закусивъ губу, упала головой на плечо ко мнѣ. Я откинулъ ея голову и сталъ цѣловать ея въ искаженный и мокрый отъ слезъ ротъ, обнимая ея большое тѣло въ спустившейся съ плеча заношенной сорочкѣ, с безуміемъ жалости и нѣжности увидаль ея пропыленные, смуглыя дѣвичьи ступни... Потомъ но-

меръ былъ полонъ сквозь спущенныя шторы утреннимъ солнцемъ, а мы все еще сидѣли и говорили на диванѣ за круглымъ столомъ, — она съ голоду допила холодный чай, оставшійся съ вечера, и доѣла булку, — и все цѣловали другъ другу руки...

Она осталась въ гостиницѣ, я съѣздилъ въ деревню и на другой день мы уѣхали съ ней на Минеральныя Воды.

Осень мы хотѣли провести въ Москвѣ, но и осень и зиму провели въ Ялтѣ — она начала горѣть и кашлять, въ комнатахъ у насъ запахло креозотомъ... А весной я схоронилъ ее.

Ялтинское кладбище на высококомъ холмѣ. И съ него далеко видно море, а изъ города — кресты и памятники. И среди нихъ, вѣрно, и теперь еще бѣлѣтъ мраморный крестъ надъ одной изъ самыхъ дорогихъ мнѣ могилъ. И я уже больше никогда не увижу его — Богъ милосердно избавилъ меня отъ этого.